

И. А. Качков
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

**«Девятнадцатый век принадлежит России»:
о значении эпилога
романа В. Ф. Одоевского «Русские ночи»¹**

О том, что «Русские ночи» В. Ф. Одоевского — произведение загадочное, любят говорить исследователи творчества писателя. Немало вопросов вызывает даже название романа, показавшееся, например, В. Г. Белинскому странным (см.: [Белинский, с. 119]). Е. А. Маймин полагал, что оно должно быть понятно романтически настроенному читателю: «“Русские ночи” — это русские мысли, русские раздумья, русские идеи» [Маймин, с. 262]. Этими идеями и занимались исследователи; без упоминания «Русских ночей» не обходится ни книга В. В. Зеньковского «История русской философии», ни «Русская философская эстетика» Ю. В. Манна. До сих пор непревзойденным по охвату материала и глубине его исследования остается труд П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель» 1913 г.

Все исследователи «Русских ночей» Одоевского стремятся постичь тайну этой книги — разобраться с позицией автора, его философскими взглядами, эстетикой, отношением к искусству, науке и религии. Но нельзя забывать и о другой проблеме, которая заявлена Одоевским в самом заглавии.

Если мотив ночных разговоров довольно очевиден и задается буквально в первом же абзаце (в тексте есть даже рефлексия героев по этому поводу), то о «русском» в полный голос резонер Одоевского — Фауст — говорит лишь в эпилоге. Более

¹ Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

того, слова его друзей о том, что «девятнадцатый век принадлежит России», в самом финале поддерживает Ростислав, заканчивая ими произведение и образуя таким образом кольцо в композиции произведения, ведь именно с его размышлений все и началось. Итогом размышлений о судьбе человечества стали размышления о судьбе России.

Напомним, что книга «Русские ночи» имеет сложную структуру и систему рассказчиков, поскольку в основное повествование постоянно включаются вставные новеллы. Стержнем композиции и ее рамкой выступают беседы четырех персонажей: Ростислава, Виктора, Вечеслава и Фауста. Эти беседы разбиты на девять ночей с эпилогом, который интересует нас особо.

Как замечает В. В. Зеньковский, «Русские ночи» впервые в русской литературе дают критику западной культуры» [Зеньковский, с. 148]. «Запад гибнет!» и «Не одно *тело* должны спасти мы — но и *душу* Европы» [Одоевский, с. 148]², — пишут друзья Фауста в своем послании, а сам он, продолжая эту линию, переходит к обсуждению проблем Европы, упоминая и работу детей на фабриках, и катастрофических масштабов ложь. «Касательно оценки текущего времени я буду несколько невежливее моих друзей; они характер настоящей эпохи назвали *синкретизмом*, я осмелюсь сказать, что ее характер просто — *ложь*, какой еще не бывало в прежней истории мира» [с. 150], — говорит Фауст. Он сокрушает любые аргументы Виктора в защиту Запада и его достижений простой идеей: «Высшее развитие сил какого бы то ни было организма есть начало его конца» [с. 150], — но сразу же добавляет, что не видит у Запада даже этого высшего развития, что, на первый взгляд, может вызвать некоторое недоумение. Однако, как мы поймем позже, проблема Запада не в уровне его развития.

Как пишет П. Н. Сакулин, в идее, что девятнадцатый век принадлежит России, выражены упования не только Одоевского, но и целого поколения тридцатых годов (см.: [Сакулин, т. 1, ч. 2, с. 276]). Более того, за этой фразой скрывается начало мощного интеллектуального спора, который захватил людей того времени и к 40-м гг. расколол их на западников и славянофилов.

² Далее роман В. Ф. Одоевского цитируется по данному изданию с указанием страницы в скобках.

«Русские ночи» были опубликованы в 1844 г., но интересующий нас эпилог был написан еще в начале 30-х (см.: [Маймин, с. 275]). Примерно в то же время было опубликовано знаменитое «Письмо» П. Я. Чаадаева, о котором Одоевский, разумеется, знал. В 1836 г. Одоевский писал: «Два года тому назад, не имея почти никакого понятия о мыслях Ч., я написал эпилог, заключающий книгу и как будто совершенно противоположный статье Ч.; то, что он говорит о России, я говорю об Европе, и наоборот» (цит. по: [Сакулин, т. 1, ч. 1, с. 612]).

Идеи Одоевского о противопоставлении России и Запада, особой спасительной роли России, ее самобытности и непохожести на другие страны естественным образом вызвали отторжение у западников (как пример можно привести критику книги В. Г. Белинским), но были созвучны славянофилам. Однако ни те, ни другие полностью произведение Одоевского не принимали. Как отмечает Е. А. Маймин, «автор “Русских ночей” шел своим особенным путем, отличным как от пути западников, так и славянофилов» [Маймин, с. 276].

В письме С. П. Шевыреву Одоевский писал так: «Дело в том, что все эти взаимные обвинения в Славянизме, в Западолубии, в староверстве, в иноземщине — не стоят выеденного яйца, потому что спор лишь в нескольких неопределенных словах; все мы Русские, все мы любим Россию. Но не ужли смотреть на ее допотопную старину с той или другой точки зрения — есть преступление? Не ужли, признавая все способности и качества Русского человека, зажать глаза и не видеть, что в его характере, как характере всякого народа, есть недостатки, которым потворствовать не следует» [Сакулин, т. 1, ч. 2, с. 450].

Важно заметить, что сам Одоевский был выходцем из кружка Любомудров, у которого хоть и было много общего с будущими славянофилами, но имелись и принципиальные различия. И одно из этих различий — отношение к религии. Как отмечал В. А. Кошелев, славянофилы занимались «пропагандой православия и обоснованием его “пригодности” как раз для высших, образованных слоев общества» [Кошелев, с. 27], в то время как Любомудры исповедовали другой подход. В записках А. И. Кошелева — Любомудра и товарища Одоевского — читаем следующее воспоминание о том времени, когда кружок еще существовал: «Христианское учение казалось нам пригодным

только для народных масс, а не для нас, философов. Мы особенно высоко ценили Спинозу и считали его творения много выше Евангелия и других священных писаний» (цит. по: [Зеньковский, с. 138]). Сразу можно отметить любопытный факт из жизни другого любомудра, ставшего впоследствии уже славянофилом, — И. В. Киреевского. В. В. Зеньковский пишет о том, что в семье Киреевских случались «столкновения по религиозным вопросам — горячая и сосредоточенная религиозность жены, по-видимому, вызывала в Киреевском неприятные чувства. Они условились между собой, что при жене Киреевский не будет “кощунствовать”» [Там же, с. 211]. Киреевский женился в 1834 г. и только после этого заинтересовался трудами святых отцов, что и привело его впоследствии к разработке особой христианской философии. Т. е., в период существования кружка он вполне разделял взгляды остальных участников.

Отчасти этим можно объяснить тот факт, что в «Русских ночах» ни разу не употребляется слово «православие», хотя теория официальной народности с ее принципом «православие, самодержавие, народность» была провозглашена С. С. Уваровым еще в начале 30-х. Более того, идея о мессианизме России, рождавшаяся, как указывает П. Н. Сакулин, не без участия Шеллинга (см.: [Сакулин, т. 1, ч. 1, с. 342]), просто невозможна вне размышлений о роли православия.

Как пишет В. В. Зеньковский, в 30-е гг. Одоевский и сам обращался к творениям святых отцов, но особенно интересовался богословами-мистиками, такими, как Симеон Новый Богослов и Григорий Синаит (см.: [Зеньковский, с. 143]). Это был период увлечения Одоевского мистическими учениями, а потому он пошел по пути, отличному от пути И. В. Киреевского.

Можно предположить, что Одоевский исключил православие из своей книги намеренно, сделав акцент именно на мировоззренческом противопоставлении материализма и идеализма в целом. Но возможно и другое объяснение: это были сомнения, рожденные «русским скептицизмом». Даже несмотря на поучительный тон Фауста и его друзей, однозначную истину в книге не найти, а потому вопрос религии, который задается с такой осторожностью, остается практически без ответа.

Религиозное чувство поддерживает веру, без которой не мыслится наука и искусство. Угасание религиозного чувства,

обесценивание религии и сохранение лишь ее видимой формальной / обрядовой стороны разрушают веру и, следовательно, всю человеческую культуру. «Религиозное чувство на Западе? — оно было бы давно уже забыто, если б его внешний язык еще не остался для украшения, как готическая архитектура, или иероглифы на мебели, или для корыстных видов людей, которые пользуются этим языком, как новизною. Западный храм — политическая арена; его религиозное чувство — условный знак мелких партий. Религиозное чувство погибает!» [с. 147], — пишут друзья Фауста в своих записках и далее добавляют: «в себе, в собственном чувстве ищи вдохновения, изведи в мир свою собственную, непрививную деятельность, и в святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились отцы твои» [с. 149]. Именно поэтому «Русские ночи» не могли обойтись без образа Баха, чье искусство оуществлялось именно в храме: «слушатели выходили из храма с освеженною, с воззвannoю к жизни и любви душою» [с. 125]. Без веры искусство мертво. Получается, что гибель Запада связана не столько с его развitiем, сколько с угасанием веры.

Любопытна и такая деталь: одни новеллы переносят действие за пределы России, а другие вообще не имеют четкой национальной привязки, из-за чего их содержание становится универсальным. Одной из таких новелл является «Бал». В финале герой входит в храм и слышит слова священника «о высоком созерцании божества, о мире душевном, о милосердии к ближнему, о братском соединении человечества, о забвении обид, о прощении врагам, о тщете замыслов богопротивных, о непрерывном совершенствовании души человека, о смирении пред судьбами всевышнего» [с. 47]. Тогда в герое случается перемена: «Я бросился к притвору храма, хотел удержать беснующихся страдальцев, сорвать с сладострастного ложа их помертвелое сердце, возбудить его от холодного сна огненною гармониею любви и веры, — но уже было поздно! все проехали мимо церкви, и никто не слышал слов священника...» [с. 47]. Перед нами картина духовного состояния общества, яркий пример разрушения религиозного сознания, и здесь же указан возможный путь спасения. Мы видим, что для Одоевского дело вовсе не в преимуществах православной церкви над «рассудочным» католичеством, а именно в гармонии люб-

ви и веры – универсальных понятиях для любой религии и национальности.

По мнению П. Н. Сакулина, Одоевский во всем искал синтез, срединный путь, признавая достоинства Европы и надеясь, что Россия не столько превзойдет Европу, сколько исцелит ее (см.: [Сакулин, т. 1, ч. 1, с. 602]). Если Петр I дал России прививку Запада, и мы хорошо усвоили ее, то теперь уже «Западу, несмотря на всю величину его, недоставало другого Петра, который бы привил ему свежие, могучие соки славянского Востока» [с. 181]. Кстати, отношение к реформам Петра I, высказанное друзьями Фауста, также противоречит взглядам славянофилов, поскольку его деяния оцениваются не как ошибочные, а напротив — как полезные: «И великий мудрец привил к своему народу те второстепенные западные стихии, которых ему недоставало: он умирил чувство разгульного мужества — строением; народный эгоизм, замкнутый в сфере своих поверий, — расширил зрением западной жизни; восприимчивости — дал питательную науку. Прививка была сильна; протекли времена, чуждые стихии усвоились, умирили первобытных — и новая, горячая кровь полилась в широких жилах исполина» [с. 181]. Здесь же можно отметить, что Петра называют естествоиспытателем («Был на сем свете великий естествоиспытатель, по имени Петр Великий»), что можно расценивать как противоположность друзьям Фауста — духоиспытателям.

Таким образом, по мысли Одоевского, дело не том, что и у кого переняла нация. Главное — это сохранение единства любви и веры, которые дают начало науке и искусству, кои, в свою очередь, созидают культуру и вообще держат на себе все человечество. Заключительные слова эпилога ни в коем случае не означают превосходства России над западным миром. Это надежда, что Россия, по-прежнему сохраняющая любовь и веру, сможет направить Европу на верный путь.

Герои «Русских ночей» не прекращают поиск истины. «А у меня так не выходит из головы мысль сочинителей рукописи: “Девятнадцатый век принадлежит России!”» [с. 183], — говорит Ростислав, и мы понимаем, что движение этой мысли не заканчивается, оно будет развиваться дальше и пройдет через века. Даже сегодня эта мысль остается актуальной (пусть и в иной формулировке — применительно уже к двадцать

первому веку), ведь отечественная общественная мысль продолжает упрекать Запад в тех же самых грехах. И это, возможно, означает, что Одоевский отыскал еще одну вечную тему.

Список литературы

Белинский В.Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7 : Статьи, рецензии и заметки : (декабрь 1843 — август 1845). М. : Худож. лит., 1981. 799 с.

Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Акад. проект ; Раритет, 2001. 880 с.

Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 196 с.

Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. С. 247–276. (Лит. памятники).

Одоевский В.Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б.Ф. Егоров, Е.А. Маймин, М.И. Медовой. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. 320 с. (Лит. памятники).

Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель : т. 1–... М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1, ч. 1. 616 с.; Т. 1, ч. 2. 480 с.